

Г.Н. ПОТАНИН, Н.М. ЯДРИНЦЕВ И ВС.В. КРЕСТОВСКИЙ

Анализируются переключки в творчестве Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева с романом «Петербургские трущобы» и причины неприязни областников к Вс.В. Крестовскому.

Крестовского Потанин и Ядринцев ненавидели.

Потанин почему-то был убеждён, что одному из его лучших друзей, Ч.Ч. Валиханову, Крестовский преподавал «в поэтической форме разврат» [1. Т. 5. С. 31] (некролог 1865 г., приписанный Ядринцеву, несомненно принадлежит Потанину и включён им в свою библиографию [2]). Согласимся с В.А. Викторovichем, что «эта оценка по отношению к молодому Крестовскому (кстати, на четыре года моложе Валиханова, который не мог быть перед ним послушным учеником) излишне сурова» [3. С. 110]. Ядринцев же в «Сибирских литературных воспоминаниях» (1884) вспомнил похороны актёра А.Е. Мартынова, в той огромной толпе выделил фигуру «тогдашнего поэта» Крестовского [1. Т. 4. С. 306], а спустя пять лет в художественном очерке «Люди шестидесятых годов» вновь к этому эпизоду вернулся: «А помните похороны Мартынова в шестидесятом году? <...> А Крестовский в студенческом мундире и с моноклем, ха-ха-ха! И тогда он был уже фат...» [1. Т. 4. С. 198].

Презрение к знаменитому писателю отразилось и в тексте незавершённого романа «Тайжане» (1872), где он как поэт поставлен Потаниным в крайне негативный ряд: «...собакевичи священнодействуют <...> и Крестовский сочиняет стихи» [4. С. 16], - а Ядринцев, зачеркнув фамилию Крестовского, но от него отталкиваясь, фразу усугубил: «Кастраты сочиняют стихи, нет, гимны любви» [5].

Полускрытое упоминание Крестовского всплывает в «Тайжанах» ещё однажды, при знакомстве с мошенником Кафекорном, который «знает подлинники всех псевдонимов "Петербургских трущоб"...» [4. С. 48]. Переключки скрытые оказываются куда более частыми и весьма существенными.

Поразительно уже то, что Потанин перелицевал завязку «Петербургских трущоб» (1864-1866): в романе Крестовского крепостная Наталья использует себе в выгоду несчастную любовь своей госпожи Анны (ч. 1, гл. I—VIII, XII-XIV), а в романе Потанина служанка Анна собирается сделать подобный же ход в отношении своей хозяйки Натальи [4. С. 67]. Имена поменялись, ситуация сохранилась.

Стоит сравнить и две цитаты - из романа Крестовского «Панургово стадо» (1869): «Прежде брали нежными вздохами, блестящим мундиром, красивой рожей, а теперь господа Полояровы берут на удочку новых идей, приманкой "новой жизни"...» [6. С. 451], - и из Потанина: «Было печоринство, потом базаровщина, потом волоховщина. <...> Некогда бояре приходили невест выбирать, хвастались кушаком иркутским, а теперь сманивают невест волоховщиной» [4. С. 65]; и некрасивая девушка «придумывает устроить карьеру посредством болтанья о Белинском и Добролюбовах» [4. С. 36].

Верное замечание Крестовского запало в память Потанину, возможно, и оттого, что Крестовский, по всей видимости, знавший о сибирском землячестве в Петербурге начала 1860-х и громком деле 1865 г. об отделении Сибири от России, дал в романе «Панургово стадо» грубо тенденциозную карикатуру на А.П. Щапова, вложив в уста Полоярова слова о том, что хотелось бы ему стать в Сибири «пионером цивилизации и свободы. <...> Сибири-с предстоит блистательная будущность: это будут, я вам скажу-с, наши Северо-Американские штаты, потому сторона она здоровая, непочатая, да и закваска в ней хорошая сидит, благодаря нашему брату-колонизатору. Сибири с Россией нечего делать, в России всё гниль одна!» [6. С. 412-413]. Как своеобразный отклик на это смотрится суждение Потанина из письма Ядринцеву от июля 1872 г.: «Найдётся, вероятно, и колония, которая начнёт свою жизнь экономическим вопросом! А в американской истории <...> это может совершиться не иначе, как путём революций, более кровавых, чем освобожде^{ние} негров. Отцы республики положили гадкую закваску в свою квашню...» [7].

Потанинские пояснения по ходу рассказа тоже напоминают манеру Крестовского, ощущавшего, что подчас впадал в «неподходящий к романам характер публицистической заметки» [8. Т. 1. С. 495].

Редактировать и дописывать сочинение Потанина взялся Ядринцев. Понимая, что роман не повесть и не должен строиться лишь на главном герое, Ядринцев предложил Потанину оттеснить юношу Ванькина таким персонажем, как исправник-авантюрист Аркашёв, «придав ему наезжее происхождение; из ссыльных у вас нет героя, но можно создать его, этого образованного мерзавца и плута высшего полёта, оставляющего в дураках общество из туземцев» [4. С. 83]. Плут из ссыльных у Потанина имелся - Кафекорн, однако Ядринцев сделал набросок своего жулика - Капканова. Подобный персонаж опять-таки есть в «Петербургских трущобах» - Чечевинский (занятно, что у Ядринцева в первом варианте его разработок схоже именовался именно главный герой - Чичеров, пусть и в силу случайности, по аналогии с прототипом - А.П. Пичугиным, имевшим прозвище Чичероваккио). У Крестовского Каллаш-Чечевинский в сибирской ссылке занимается тем же, чем и Капканов-Мавзолевский: «Удалось ему сойтись с одним весьма значительным золотопромышленником, и при помощи своего ума и ловкости вкрась в его доверие - как это и зачастую случается в Сибири. <...> хозяин поручил ему заведование делами» [8. Т. 2. С. 523]. Всплыла у Ядринцева и тема контрабанды золотом, «добытого... - ну, уж известно! - обыкновенным *приказчиным* способом...» [8. Т. 2. С. 646]. Крестовский действительно подчёркивал типичность махинаций с зо-

лотом, но и тут переключку Ядринцева с Крестовским стоит принять во внимание.

Потанина и Ядринцева, пробывших много лет в заключении, могла раздражать нарочитость уголовного сленга в «Петербургских трущобах», а к слову «жиган» Крестовский дал ошибочное примечание: «Сибирское прозвание каторжников» [8. Т. 1. С. 463]. Сравним определения, данные Ядринцевым: «Жиган - это самый жалкий и бедный парий острога, которого азартная игра заставляет проигрывать всё...» [9. С. 58], - Потаниным: «Жиганами называются острожные пролетарии или парии» [10], - и одним из лучших знатоков уголовного мира: «Жиган. Представитель тюремного или острожного пролетариата; жалкий нищий, унижаемый арестантами...» [11]. Допустив оплошность, Крестовский погрешил и в художественном отношении: картина с гордым «дядей жиганом» (ч. 4, гл. VII) оказалась лживой из-за неверно понятого слова.

Ядринцев мог думать, что Крестовский провинился в главном - «наблюдения его были чисто внешние», сути своих разысканий он не постиг, «много видел, но ничего не узнал или понял наыворот» [1. Т. 5. С. 40]. Сопоставим наблюдения Крестовского и Ядринцева:

- «Внутренняя суть, то есть всё то, что ревниво укрывается ..., <...> для тебя останется неизвестно ...<...> арестант - человек скрытный и поболее тебя проникающий...» [Крестовский: 8. Т. 1. С. 490] (о непонимании поведения арестантов - эпизоды с графиней Долгово-Петровской: ч. 4, гл. XLIX-L; в ч. 6-й Крестовский одарил её титулом княгини); «...знакомство с внутренним миром человека, с его душевными тайнами не даётся сразу, и желать, чтобы человек сейчас изложил свою жизнь по первому требованию, - невозможно» [Ядринцев: 1. Т. 5. С. 48].

- «Поставь судьба этого самого Морденку в иные, более благоприятные условия ...<...> быть может, из него вышел бы какой-нибудь Меньшиков, Потёмкин, Безбородко, Сперанский. <...> И вдруг <...> всё похерено!» [Крестовский: 8. Т. 2. С. 207]; «...есть бездна таких частных, таких случайностей, которые, независимо от характера человека, могут толкнуть личность на ту или другую дорогу. <...> Велика сила случайностей там, где от <...> ничтожной ошибки может зависеть, что из человека выйдет: или замечательный народный поэт <...> или же известный разбойник» [Ядринцев: 1. Т. 5. С. 49-50].

- По Крестовскому, поводами к бродяжеству служили острожная «скука смертная» и «лень» [8 Т. 1. С. 493-494], или, по Ядринцеву, «праздность»; «дурное обращение» [1. Т. 5. С. 47], до Ядринцева отмеченные Крестовским [8. Т. 1. С. 492]; «...бедность <...> и отсутствие всяких исправительных средств...» [1. Т. 5. С. 47], - тут Ядринцев опять, не подавая виду, с Крестовским согласился.

- Отметил Крестовский и игры уголовников, «зверски-жестокие и полные возмутительного цинизма, которые служат одним из любимейших развлечений», когда «бесятся от скуки...» [8. Т. 1. С. 493-494] (людям, служившим для поругания, и несчастному доброволь-

ному шути в «Петербургских трущобах» отведены две главы, «Капельник» и «Свадьба идиотов» - ч. 5, гл. XXIV, XLII). Той же теме Потанин посвятил рассказ «Шуты» (1872), а Ядринцев решил дать в «Тайжанах» тип «шута у золотопромышленников» [4. С. 86].

В целом, Ядринцев очень несправедлив к Крестовскому, отведя ему «место на заднем дворе литературы» за «фальшь и недобросовестность», ибо-де «все лица его романа вышли какие-то грязные, пошлые и невероятные преступники», а «для усугубления эффекта являются невинные жертвы», и «роман явился самой злонамеренной клеветой не только на арестанта, но вообще на человеческую природу» [1. Т. 5. С. 40]. Крестовский вовсе не желал писать про «исключительно одни дурные стороны людей и выставляя для романтических эффектов одну страшную преступность», но Ядринцев настойчиво навязывал читателям мысль, что в заключённых Крестовский «силится показать <...> одну мерзость», хотя «при всевозможной испорченности человека всегда можно найти в его характере черты вполне симпатичные...» [1. Т. 5. С. 39-40]. Идея «книги о сытых и голодных» и их образы вопиют против этой инвективы. Крестовский был рад заметить, что и уголовник «способен к порывистым возвратам хорошего человеческого чувства», «не совсем ещё заглохли в нём хорошие движения»: например, Чечевинский ощущал в себе червяка, который «как будто высасывает всю дрянь <...> из души человеческой, как будто он очищает её ...<...> Этот червяк называется совестью» [8. Т. 1. С. 696, 492; Т. 2. С. 525]. Так, «Ковров был отъявленным мошенником, но отнюдь не негодяем» и сохранил «природную теплоту сердца ...<...> Порывы этой теплоты и какого-то своеобразного рыцарства налетали на него порою какими-то шквалами...» [8. Т. 2. С. 733-734].

Ядринцев утверждал, что «одинаково необходимы как исследования зависимости человека от внешних условий, так и обстоятельное изучение индивидуального характера личности, раскрывающее ту силу упругости, какая дана человеку для сопротивления ...<...> Художник должен выследить все свойства данной личности, обусловленные и физической конструкцией человека, его темпераментом, способностями, степенью энергии, наклонностями, страстями и всем тем, что входит у психологов в определение характера. <...> из всего поведения личности уследить этот характер и образно создать его. <...> Все эти свойства и недостатки должны быть рельефно выяснены в той среде и обстановке, в которой они проявлялись» [1. Т. 5. С. 32, 51]. Роман Крестовского этим требованиям отвечает: обстоятельства, ломающие жизнь человека, и умение противостоять им учитывались безусловно.

Социальные проблемы он ставил столь же остро, сколь и автор «Русской общины в тюрьме и ссылке», нападавший на Крестовского за то, что горе современной ситуации тот «не желает видеть <...> или не хотел понять...» [1. Т. 5. С. 40]. Крестовский думал, однако, что «если общество терпит от нищеты и пролетариата, оно в сущности несёт только вполне заслуженную кару

за своё собственное совокупное преступление. <...> мы указываем на настоящие причины зла, и потому вовсе не хотим относиться с известного рода сентиментальностью к голодному и холодному пролетарию, а показываем его и его жизнь так, каковы они суть на самом деле ... <...>. Если это описание успеет возбудить в читателе ужас и омерзение к подобной обстановке и существованию, то оно же, вероятно, успеет одновременно вызвать в нём и разумное человеческое участие к падшему человеку без всяких с нашей стороны сентиментальных подыгрываний ... <...> нужно хорошо исследовать первичные побудительные причины, хорошо знать мотивы такой жизни...» [8. Т. 2. С. 387-388].

«Длинная галерея "голодных и холодных"» [8. Т. 2. С. 589] из «Петербургских трущоб» Ядринцевым не учитывалась принципиально: творчество Крестовского отнесено к направлению, которое «претендует на изображение действительной жизни, <...> но на самом деле принадлежит к прежнему романтическому периоду» [1. Т. 5. С. 39]. Вопрос: к какому.

В статье «Преступники по изображению романтической и натуральной школы» (1872) Ядринцев отметил, что на рубеже 1850-1860-х гг. «в русской литературе появилась целая серия писателей, знакомящих нас с историей преступления и с характерами людей, подвергшихся наказанию», а до той поры преобладали взгляды романтические, которые «были последствием метафизических воззрений», и некогда «преступник считался непременно обладающим одной "злою волею" ... <...> ... Усвоив филантропический взгляд, романисты дошли до другой крайности. <...> Романтический идеализм создал в это время из преступника героическую личность, борющуюся с обстоятельствами и общественными несправедливостями ... <...> Как наука отринула метафизику, так новая литературная критика, в свою очередь, объявила войну романтизму. Новое миросозерцание <...> потребовало от литературных произведений, прежде всего, естественности, точного воспроизведения действительности ... <...> Романтизм, например, сбивал понятия одним уже тем, что всегда рисовал в преступнике какую-то особую от прочих природу» [1. Т. 5. С. 34-37, 55]. Если в 1840-е гг. «наши романтики считали недостойным себя спускаться в те жалкие приюты, где проводили свою жизнь люди несчастные, отребье общества, и где преимущественно формируется преступник», то ны-не, - полагал Ядринцев, - «явится, может быть, особая школа романистов, темой которых будет эпос преступления. <...> Подобная задача вполне достойна художественной литературы в лице некоторых писателей, взявших на себя благородную миссию осветить и изучить человеческое несчастье во всех его проявлениях» [1. Т. 5. С. 33, 35, 52].

Крестовский отнюдь не принадлежал к романтикам, которые, убеждаясь, что «нередко преступления происходят от нужды», стали героизировать преступника; нельзя отнести его ни к сторонникам «буколической поэзии», наделявшим преступника исключительно злой волей, ни к тем, что «относятся к несчастным с сентимен-

тальной нежностью» [1. Т. 5. С. 35-36, 53]. Тем не менее, в рецензии на книгу С.В. Максимова «Сибирь и казторга» (1872) Ядринцев голословно приписал Крестовскому «обыкновение идеализировать преступника» и стремление «видеть во что бы то ни стало одно эффектное», приведшее «к пошлости, олицетворение которой представляют известные "Трущобы", написанные неизвестно для кого уланом-романистом...» [1. Т. 5. С. 120-121]; Крестовский вступил унтер-офицером в уланский полк, уже будучи автором «Петербургских трущоб», но Ядринцев специально чертил образ человека, берущего материал не аналитически, а легко-кавалерийским налётом. «Эффектным сплетением внешних событий» роман и впрямь очень богат, но в нарочитой утрировке вряд ли можно писателя заподозрить, по мере сил он работал ради воссоздания реальности; впрочем, Ядринцев и тут уверял, что Крестовский, отталкиваясь от прототипов, «искажает их намеренно...» [1. Т. 5. С. 37, 40]. В интерпретации Ядринцева «Петербургские трущобы» смотрелись как «лубочная живопись» и «попытка переодеть старых романтических злодеев в современный костюм», из чего следовало обвинение, что Крестовский, «прикрываясь», будто «изображает настоящую жизнь неведомого до сего времени мира преступников», одарил читателей «романтизмом спекулятивного характера, прикрытого претензиями на натуральность...» [1. Т. 5. С. 39-41].

Занятно, что, собираясь развить сюжет «Тайжан», Ядринцев предупреждал Потанина: «В действии будет только больше живости и романтического. <...> Я придумал происхождение Любимова (Аркашёва) расказать в романтическом духе, между делом, рисуя характерно Сибирь в 30-х и 40-х годах» [4. С. 90, 92]. По сути, он позволил себе то, в чём Крестовскому отказал.

Он поставил Крестовского «неизмеримо ниже» Э. Сю, который подпадал под выкладки про сочинения, представляемые галереей ходульных злодеев, и, таким образом, относился даже к позавчерашнему дню литературы, но если у Э. Сю снисходительно отмечены лишь «некоторые романтические преувеличения» и его роман «Парижские тайны» «принадлежит к числу замечательных и полезных произведений» [1. Т. 5. С. 41], то Крестовский оказывался грешен в умышленных извращениях человеческой природы. Противопоставление Э. Сю и Крестовского было явным полемическим приёмом, страдало недопустимой натяжкой, и всё-таки за Э. Сю Ядринцев зачислил «твёрдые убеждения», умение задевать «многие стороны уголовного законодательства» [1. Т. 5. С. 41] и исхитрился совершенно не увидеть это у Крестовского. Э. Сю Ядринцев поставил в заслугу и то, что французский писатель «выставил идеал европейской филантропии» [1. Т. 5. С. 41], хотя Крестовский в образе Долгово-Петровской обличил ошибочные принципы этой практики, да и сам Ядринцев сделал то же самое, но от романа Крестовского уже отстраняясь и не совсем корректно в отношении своих же слов о филантропическом романтизме.

Между тем, близкий к почвенничеству критик Н.И. Соловьёв считал, что главы «Петербургских трущоб» о тю-

ремном быте «не бледнеют и при сравнении с "Мёртвым домом" Достоевского» [12]. В 1871 г. Ядринцев и сам признал: «Взглянем ли на описание "Мёртвого дома" Достоевского <...> или даже на искажённые юнкерской фантазией очерки <...> Крестовского, - мы везде находим более или менее общий тип и общую физиономию русской тюремной жизни» [9. С. 148], - однако Крестовскому он отводил роль писателя бульварного. «Последователь Достоевского в литературе в области исследования» арестантской жизни, - писал о себе Ядринцев в очерке «Достоевский в Сибири», а далее - и о своих соратниках, взывающих о гуманизме по отношению к «униженным и оскорблённым»: «...мы, наследники лучшей традиции Достоевского в литературе...» [1. Т. 5. С. 58, 65]. Но и проза Крестовского, по В.А. Викторovichу, отзывается «школой Достоевского. <...> Школа Достоевского обнаруживает себя ещё более в тех элементах психологического анализа, которые в 1861 г. появляются в прозе Крестовского»: главная героиня рассказа «Бесёнок» есть «первый и несовершенный набросок характера Нелли из "Униженных и оскорблённых"», «подсказанного» Крестовскому Ф.М. Достоевским, а сюжетные положения этого романа отрази-

лись у Крестовского также в поэме «Весенняя смерть», комедии «Завидная доля» и в «Петербургских трущобах»; попадают в «Петербургские трущобы» и ситуации из «Преступления и наказания» [3. С. 100-101, 103-104]. Особенно интересно замеченное В.А. Викторovichем влияние Крестовского на Ф.М. Достоевского, - так, повесть «Не первый и не последний» опередила публикацию «Записок из подполья» аж на три года: «Сходен беспощадный, как бы многоступенчатый самоанализ героя, не останавливающийся перед саморазоблачением» [3. С. 102]. Любопытно, что закладчик Кох из «Петербургских трущоб» продолжал носить свои вещи ростовщикам и в «Преступлении и наказании» [3. С. 104]! Отрывок из романа Крестовского братья Достоевские напечатали в своём журнале и хотели опубликовать произведение целиком, но опасались riskовать большим гонораром.

Итог очевиден: заимствуя у Крестовского, областники нанесли ему ничуть не обоснованные оскорбления, и Ядринцев сам виновен в применении «недобросовестных и пошлых» средств [1. Т. 5. С. 41], обвинить в коих пытался человека, чьи «Петербургские трущобы» Н.С. Лесков назвал «самым социалистическим романом на русском языке» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литературное наследство Сибири*. Т. 4-5. Новосибирск, 1979-1980
2. *Российский гос. архив литературы и искусства* (Москва). Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 3.
3. Викторovich В.А. Достоевский и Вс. Крестовский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. Л., 1991.
4. Потанин Г.Н. Тайжана. Историко-литературные материалы. Томск, 1997.
5. *Томский областной краеведческий музей*. Оп. 14. Ед. хр. 17. Л. 4.
6. Крестовский Всеволод. Кровавый пух. Кн. 1. М., 1995.
7. Потанин Г.Н. Письма. Т. 1. Иркутск, 1987. С. 104.
8. Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Т. 1-2. М., 1990.
9. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
10. Долонский <Потанин Г.Н.> Отрывок из очерков «Лютые дни». I. Клубисты // Камско-Волжская газета. 1873. 11 мая. № 53.
11. Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы). СПб., 1908. С. 24.
12. Соловьев Н.И. Два романиста // Всемирный труд. 1867. № 12. С. 45 2-й пагинации.
13. Викторovich В.А. Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 147.

Статья представлена кафедрой общего литературоведения филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 15 февраля 2003 г.